

От редакции. В нынешнем году поэту из города Орла Николаю Перовскому исполнилось бы 85 лет. В три года он остался без родителей, прошёл детдомовское детство, вобравшее в себя весь ужас Великой Отечественной войны и трудности эвакуации, впоследствии перепробовал много профессий. Его строки говорят сами за себя:

*Нам о войне немало говорили,
но в детстве видишь слишком много неба,
считая тучи, даже грозовые,
предвестниками тёплого дождя...*

На страницах книг Николая Перовского, члена Союза писателей СССР с 1964 года, отпечатались радостные и горькие потрясения эпохи. Ценность его творчества состоит в том, что он до смертного часа нёс людям и всему живому на земле любовь и нежность.

БИБЛИОТЕКАРША

Она нам казалось ужасно богатой,
библиотекарша детской колонии,
окружённая греческими богами,
мушкетёрами и ковбоями.

Она приходила до грусти усталая,
на гвоздик пальто своё старое вешала,
смотрела на полки, плотно заставленные,
и улыбалась вежливо.

Она зажигала нас Горьким и Лондоном
и заставляла грустить над Чеховым.

...Она жила в эти годы голодная,
и дети её голодали –
четверо...

Дети, серьёзные не по возрасту,
ждут свою маму с дровами, с продуктами,
ждут каждый день и невесело берутся
в квартире, ветрами войны продуктой.

Она ждала, забывая про голод,
ждала и верила безгранично.
И муж вернулся в маленький город.
Вернулся... и встал на камень гранитный!

Она незаметно, но твёрдо боролась,
чтоб стали мы честными,
стали мы добрыми.
А мы ей носили дрова
ворованные...
когда её не было дома.

1964 г.

ПРОЗРЕНЬЕ

Бывает острое прозреньё,
как взрыв в мозгу, что ты – живой!
Что ненависть, любовь, горенье –
в тебе, с тобой и над тобой...

Ты только вскрикни, хлопни дверью
или засмейся просто вдруг –
и тут же ветер и деревья
тебя затанут в общий круг.

В тот милый круг, где всё живое,
где наслаждение и боль,
где правят общему судьбою
горенье, ненависть, любовь...

Мы в общем хоре все – солисты...
И даже тот, кто безголос,
в своём особенном регистре
доносит шёпот свой до звёзд.

1964 г.

БАЯНИСТ

Я музыкант. Не очень настоящий.
Я баянист, короче говоря.
Таскаю на плечах фанерный ящик,
и провожает спать меня заря.

Меня зовут на свадьбы и гулянки
не в те дома, где шпроты и коньяк,
а в те, где без наклеек полубанки,
где мало слёз, хотя немало драк.

Я должен пить, и оставаться трезвым,
и так давать по просьбе гопака,
чтоб дом дрожал от топота и треска
весь – от фундамента до потолка.

Я, поп без церкви, вижу острым взглядом,
кто с кем гуляет, кто и сколько пьёт...
Да что! Мне сам заведующий складом
наедине ладошку подаёт...

1965 г.

* * *

Говорят, что не очень-то просто
чувства жёнам в стихах открывать...
Мол, жена – это скучная проза,
это стирки, скандалы, кровать.

Лиде

Чудо-женщина в чудо-одеждах
и нездешнее что-то в глазах –
вот такую бы встретить однажды
и в подруги, безгрешную, взять!

Почему же красу незнакомок,
всю туманность и призрачность их
ты, жена, забрала незаконно
и вошла неприкрашенно в стих?!

Без обманов вошла, без туманов –
жить, любить и стирать бельё,
поэтичней царицы Тамары
и нежнее, нужнее её!

1967 г.

* * *

В старинной бухте у причала
Дряхлеют лодки на мели,
и половицекою печалью
ночные пахнут ковыли.

Здесь, на краю ковыльной степи,
старинный высится курган
и, вороша кизячный пепел,
поёт задумчивый чабан.

Сожжённый солнцем и ветрами,
который год,
который век
он здесь колдует над кострами,
бессмертный этот человек?!

1973 г.

* * *

Когда от пыли и от зноя
уйдёт на отдых летний день,
земли дыхание ночное
разбудит сонную сирень.
И что-то в мире сотворится,
как бы родясь из темноты,
чтоб наши помыслы и лица
освободить от суеты.
Чтоб отменить права разлуки
и чтоб воззвать из глубины

то, для чего даны нам руки,
глаза и губы нам даны...

1979 г.

* * *

Лене Черепковой

Гляди! Пушистый жеребёнок
точёной ножкой травы бьёт.
Почти духовный, как ребёнок,
почти абстрактный, как полёт.

На переломе и на стыке,
на тонкой дужке коромысл
струится космос безъязыкий
времен и судеб тайный смысл.

И может, высшая минута
тебе даётся для того,
чтоб лишь коснуться абсолюта,
а не ослепнуть от него...

1986 г.

* * *

Жить! На закате и рассвете
встречать гостей, и ждать вестей,
и попадать в чужие сети,
и рваться из своих сетей...

Жить! Ради слова, ради дела,
как будто каждый друг и брат!
Душа проснулась и взлетела –
полёт не требует наград...

1986 г.

КОРНИ

Был я болен и тем виноват
перед миром людей и растений,
но однажды ушёл я в закат
провождать удлинённые тени.

Я присел у слепого костра,
согревая озябшие руки,
и осенняя ночь, как сестра,
обняла меня после разлуки.

А когда от земного огня
глянул на небо в звёздных накрапах,
я почувствовал, как зелена
источают младенческий запах.

Я не думал, откуда взялась
и с такой прямоотой воплотилась
неподсудная разуму власть –
обращать наказание в милость.

Я стоял, не стыдясь своих слёз,
между звёздами и зелеными,
и меня не тревожил вопрос,
что считать в этом мире корнями...

1990 г.

ИГРА

Когда домовито, но грозно
округу окатывал гром,
казалось, что это серьёзно,
что кончится дело добром.

Сосед улыбнулся соседу,
забыв о недавней вражде,
завёл одуванчик беседу
с ромашкой о тёплом дожде.

А он понакрапывал, дождик,
и всё улеглось в высоте,
как будто ленивый художник
опробовал краски не те.

В конце поднебесной забавы
поставила точку звезда,
чтоб люди, луга и дубравы
свой взор возносили туда...

1990 г.

ЧУЖАК

Не сплю ночей, как мартовский ручей.
Бреду по тротуару городскому.
Я блудный сын, с рождения ничей,
я человек, но где пути к людскому?
Я болен, я бессонницей томим,
находка для храпящих психиатров...

А ты, земля, сними свой скудный грим,
всё в мире спит, оставь его до завтра.
Округлая и сытая луна
как баба деревенская в расцвете,
а на земле такая тишина,
хоть разревись — не вздрогнут даже дети.

Куда же я, потерянный, бреду,
куда бегу от каменных громадин?
Какому жаловаться высшему суду
на то, что бедный разум мой украден?
Зайти за горизонт и не упасть,
освоиться в четвёртом измеренье,
у Бога и у дьявола украсть
прозрачное, как воздух, озаренье!
Где глубина, где сладость райских кущ?
Где высота, где горечь звёздных истин?
Но Бог бессилён, дьявол всемогущ,
а человек завистлив и корыстен...

Вы знаете, как травят чужака
прислужники хозяина — собаки?
Швыряют навзничь, рвут ему бока,
собаки — что им знать о честной драке?!
Он не виновник, просто он один,
ему лизать хозяев надоело,
метаться по цепи остервенело,
гремя тяжёлой цепью до седин.
И вот они его на части рвут,
простые деревенские дворянги,
наедине трусливые, а тут,
в родимой своре, полные отваги.
Мой бедный пёс, ты бился, как боец,
клыками вражьей глотки разрывая,
ты, издыхая, понял наконец:
прислужники страшней своих хозяев...

Заря над соснами, над сонною рекой,
заря над отцветающей гречихой,
и здесь покой, но здесь такой покой,
как будто эти сосны знают выход.
На противоположном берегу
колючий луг, укрывшийся в тумане,
и там, на этом скошенном лугу,
я вижу то, что мучает и манит:
пять-шесть коней, унылый табунок
и у костра мальчишка-пастушонок,
а с ним ушастый пёс, почти щенок,
меня чуть свет облаявший спросонок...

Смешно вздыхать о милых пастухах,
поруговывая город муравейник,
когда и в этих мокрых лопухах
судьба сжимает глотку как шейник.
Так где же выход, есть он или нет
здесь, на земле, и там, под небесами?
Неужто мысль — оставить в жизни след —
насмешка одиночества над нами?
И снова город. Листья шелестят
беспечных тополей пирамидальных,
надраенные статуи блестят,
гнилой картошкой тянет из подвальных.

Сiju в канаве, глупый и больной,
срываю белобрысые ромашки,
а там, вверху, хохочут надо мной:
«Что делать? Ты родился не в рубашке».
Хохочут эти серые дома,
смотря на мир глазами занавесок,
серванты, телевизоры, тома
и человек, их маленький довесок...

Эй вы, дома!
Эй вы, кто спит в домах!
Министры, кандидаты, работяги,
какого чёрта роетесь в листках
небрежно отсвинцованной бумаги?!
Шпалгалочники!
Жалкая напасть
безверием отравленного века...
Проснулись... и, позёвывая всласть,
Натягивают маски человека...

1990 г.

СОБЛАЗН

Не сотвори себе кумира
и не прилюбуй сотвори —
сия библейская стихира
меня сжигает изнутри.
Что дух и плоть — собор и фреска?
Дыша и тем уже греша,
скупыми проблесками блеска
не насыщается душа.

Зачем же запер ты, Господь,
надмирный дух в мирскую плоть?

Воздвигнув стены и стропила,
ты щель оставил в потолке,
дабы соблазном ослепила
меня свеча в твоей руке.
Я, пёс, бездомный и поджарый,
закрытый в будке на засов,
скулю и вою на Стожары
и на созвездье Гончих Псов.

1993 г.

КОНЦЕРТ

Присел на одинокую скамью
в берёзках у речного косогора.
Скворец усердно вторит соловью,
солируют вдвоём на фоне хора.

Равнина майским солнцем залита,
придёт гроза, но сердце не сожмётся –
симфония для скрипки и альта
с оркестром – это Моцарт!

Природа не чурается длиннот,
но кто рассудит, мало или много
для Моцарта – семь нот,
семь дней – для Бога?!

1997 г.

МАСТЕРА

Виктору Потанину

Шарманщик, трубочист или тряпишник,
точильщик или чистильщик сапог,
придите к нам из тех времён давнишних,
когда любой из вас был полубог!

Я вижу их, корявых, груболицых,
с весёлой сумасшедшинкой в глазах,
в фуфайках и потёртых рукавицах,
в передниках, в халатах, в картузах.

В истоке детства, в солнечной излуке –
телеги и точильные станки...
Когда тебе, как в сказке, прямо в руки
ныряют рыболовные крючки...

Тряпишник! За старинный хлам и ветошь
тебе не жаль свистульки и волчка,

надев очки, ты «зайчиками» светишь,
кто сослепу сойдёт с того крючка?!

Станок искрит, трясётся с жутким визгом,
точильщик усмехается: – Не тронь...
А ты, мальчишка, искрами обрызган,
под пляшущий брусок суёшь ладонь...

А чистильщик! А уличный сапожник!
Ты приглядишься к нему из-за плеча:
какой уж тут ремесленник – художник!
С повадкой и сноровкой циркача!

Они всегда в порядке и в ударе,
они и есть твой двор, твоя страна, –
о запах кожи, ржавчины и гари!
О дух махорки, пота и вина!..

Я многое забыл или отбросил,
но, если жизнь не ноша, а игра,
мой прикуп – мастера ручных ремёсел,
волшебных сновидений мастера!

1999 г.

ПРИГОВОР

Старинное забытое кладбище.
Источенные временем кресты.
В бурьяне сиротливый ветер свищет –
вот память доблести, добра и красоты.

Мы до конца с собой не откровенны,
а опыт поколений не для нас,
нам кажется, что вечно будут вены
звенеть и наполняться, как сейчас.

Один своё спасенье ищет в вере,
другому доказательства нужны,
но что поделать – все мы к высшей мере
самой природой приговорены.

И жаловаться некому – природа
сама предназначению верна,
она инстинктом продолженья рода
к бессмертью рода приговорена.

1999 г.

* * *

Ещё до слов, ещё до встреч
живут в игре воображенья
глухая речь и зыбких плеч
как бы невольное сближенье.

Но, устремив глаза в глаза
и до предела сблизив лица,
вдруг удаляется гроза,
так и не в силах разразиться...

1999 г.

ЭХО

Николаю Алешкову

Голос первой любви — нашей юности эхо,
расстоянья и годы ему не помеха.

Потому что от века в душе человека
есть своя фонотека, своя фонотека...

И её голоса, подголоски и вздохи
не дано заглушить громогласной эпохе.

Потому что под сердцем проросшее семя
попадает в иное пространство и время...

2002 г.

* * *

ПРОЩАЙ

Над синим морем синяя звезда
мерцает от заката до рассвета.
Прощай! В последний раз я жду ответа.
Прощай! Мы расстаёмся навсегда.

И ты прощай, скрипучий мой причал,
мой друг ночной, качаемый волнами.
Что я здесь пил, кого я здесь встречал,
останется, конечно, между нами.

Тот дробный, тот подробный перестук,
когда, не глядя, чувствуешь спиною
начало новых снов и новых мук,
намытых, словно золото, волною.

И тот несовременный, странный тот,
давно уже забытый нами голос,
что, затаясь до времени, живёт
для одного бессмертного глагола...

2005 г.

Наверное, немногие поэты могут так точно определить самую суть своего дела:

*...покуда мир плетёт себе венок,
я должен охранять цветы и травы.*

Должен — и всё тут! Кому должен? Кто его обязал? Да кто же, кроме себя самого,
обяжет поэта сохранить в вечности красоту земного мгновения?! И вот они, мгнове-
ния, запечатлённые Николаем Перовским:

*Душа такого не припомнит,
такого не было со мной:
шум листопада был приподнят
над кромкой леса, над стернёй,
над обмелевшею речушкой,
над пожелтевшею лозой
и над пастушкой с белой кружкой,
присевшей рядышком с козой...*

*Так небо пасмурно и так вокруг темно,
что ни к чему не чувствуя доверья,
всю ночь скребутся в мокрое окно
корявые и чёрные деревья...*

Картина следует за картиной. Они разные по цветовой и звуковой палитре, построению, интонации, но все — живые, поразительно зримые. Впрочем, вовсе не удивление охватывает читателя, но завораживает органичность мира в стихах Перовского. Поэт не просто пишет о природе, он в ней живёт — сочиняет «летопись души» и вписывает туда «ночь, оккупированную луной», «полёт и паренье над бездной», «синкопы жёлтого на синем/ и серого на голубом» и много чего ещё всем нам знакомого, но увиденного как бы впервые, неожиданно подаренного Николаем Перовским.

Перовский — поэт-философ, всё его творчество в попытке приоткрыть «мучительный смысл мироздания». Только приоткрыть, ибо распахнуть, обнажить его не дано человеку:

*И может высшая минута
тебе даётся для того,
чтоб лишь коснуться абсолюта,
а не ослепнуть от него.*

Слог Перовского плотен, образен. Его голос то «леденяще мерцающ», то «бурлит и рвётся», то «свистит суховеем». Каждое стихотворение — натянутая по-особому струна. И она поёт, и находит отзвук в каждой, я уверен, душе.

Многообразие поэтических форм в произведениях Перовского говорит о большом мастерстве поэта. Но что мастерство без вдохновения, дарующего крылья? Строки Перовского летят — полёт стремителен, непредсказуем и «не требует наград». Совершенно ясно, что форма не властвует над мыслью поэта, а служит лишь подспорьем, страховкой для летучих строк.

Характерная черта: Николай Перовский крепко-накрепко привязан ниточкой памяти к своему нелёгкому послевоенному детству, и едва ли кого введёт в заблуждение нарочитое лукавство:

*Всё, что было там, — шито и крыто, и брито...
провалилось в безвременье, в тартарары,
только в старом кино отбивает свой ритм «Риорита»
да вразвалку плывут в никуда проходные дворы.*

Живя в современном мире, Перовский какой-то гранью своей «осенней души» не принимал этот мир и всегда возвращался в «проходные дворы» беспризорного своего детства. Посредством таланта поэта туда попадаем и мы, и проживаем удивительную жизнь, ставшимся прозрачнее для самих себя.

*Жить! Ради слова, ради дела,
как будто каждый друг и брат!
Душа проснулась и взлетела —
полёт не требует наград...*

Всю свою жизнь Николай Перовский писал блестящие, мудрые и, главное, нужные стихи. С нами жил действительно большой поэт, один из тех немногих, без кого не может обойтись ни сама русская поэзия, ни её будущее.

Андрей ФРОЛОВ, поэт

